

Чи Шэн распалялся всё сильнее. Ярость буквально душила его.

Он не мог допустить, чтобы его спасителя кто-то порочил — ни словом, ни даже косым взглядом. Холодный и бесчувственный? Жестокий? Да это бред собачий!

Чи Шэн свято верил: юноша из его прошлого, когда-то нежный, добрый и чистый, словно горный снег, сохранил своё «сердце из светлого нефрита». Пусть годы сменяли друг друга, истинная суть не могла измениться. Просто теперь, достигнув вершин бессмертия, он страдал от одиночества — того самого, что неизбежно настигает на заоблачных высотах...

Кое-как справившись с чувствами, Чи Шэн побрёл дальше. В Яобао-чжай — Павильон Демонических Сокровищ — он добрался лишь к полудню. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь резные оконные переплёты, дробились тёплыми искрами на полках из красного дерева.

В Бессмертной школе Даньлин люди и демоны жили отдельно. Соседний Сяньбао-чжай предназначался для людей, а Яобао-чжай торговал всякой всячиной для духов. Здесь было всё: от чудодейственных снадобий до кистей из волчьей шерсти, от расшитых поясов до ароматных масел. Имелись даже свитки с техниками совершенствования и приёмами меча для каждого уровня. Полки были аккуратно разбиты на ячейки, и под каждым предметом висела нефритовая табличка с названием. Стоило направить в неё каплю духовной силы, как перед глазами всплывало описание.

Чи Шэн без труда нашёл то, за чем пришёл.

— Пилюли сосредоточения духа.

Перед уходом он расспросил Ли Ло, какое лекарство лучше всего восполняет пустоту в духовных каналах. Жёлтый цвет лица Чи Шэна и его неопрятные перья были следствием слабой ци — облик ещё не устоялся окончательно. Чтобы за короткий срок привести внешность в порядок, нужно было бить точно в цель. К тому же, без нормального потока энергии он просто не поспевал за программой обучения.

Проблема была лишь в одном: товары в павильоне полагалось выменивать. Местной валютой служили нефритовые жетоны, вырезанные из добытой в горах породы. Получить их можно было двумя путями: либо пройти испытание в Тайном царстве, либо отдать что-то ценное взамен.

Тайное царство пока оставалось для Чи Шэна недостижимой мечтой. Значит, оставался только обмен.

Он задумался: что у него есть?

Ответ пришёл мгновенно: ничего. Кроме школьной формы, у него не было даже сменной одежды.

Чи Шэн со вздохом положил Пилюли сосредоточения, стоившие десять жетонов, обратно на полку.

Хозяином павильона оказался подслеповатый старый горный козёл. Сейчас большинство учеников грызли гранит науки на Цзюньцзы-шань, так что покупателей почти не было. Старик сразу повёл Чи Шэна на второй этаж. Там стены тоже были уставлены полками, но содержимое заметно отличалось.

Если на первом этаже товары покупали, то на втором — выставляли своё добро на продажу. Чи Шэн быстро понял, что здесь лежат вещи «с историей». Подержанные свитки с техниками от учеников Зала Оружия или снадобья, наваренные аптекарями-недоучками, — это ещё полбеда. Он готов был смириться даже с початым флаконом мази от ушибов.

Но платье, которое носила какая-то «красавица-старшая сестра» из другого зала?! И за него просили сто жетонов?!

Эти адепты бессмертия совсем с ума посходили от воздержания? Чи Шэн скорее купил бы десять флаконов пилюль, чем хоть раз взглянул на этот «лот».

Святоши хреновы! Лицемеры!

«Облик человеческий, а сердце звериное!» — ворчал он про себя, продолжая осмотр. И тут взгляд его упал на книгу.

Обложка выглядела как у обычного учебника, но цена поражала — пятьсот жетонов. Любопытство взяло верх: что за тайные знания стоят так дорого? Направив силу в табличку, Чи Шэн увидел всплывшую надпись: «Иллюстрированный личный сборник Лансюэ-цзюня».

Чуть ниже проявились дополнительные строки: «Лично пробрался на Гуу-фэн. Своими глазами видел, своей рукой рисовал. Быт Верховного старейшины, сцены переодевания, шокирующие подробности купания. Купишь — не пожалеешь!»

Гуу-фэн — это обитель Линь Фэйсяня.

Чи Шэн застыл. Чего-чего?

Прикрываться обложкой учебника, чтобы проворачивать такие грязные делишки? Нынешние адепты совсем стыд потеряли!

Чи Шэн сглотнул.

... Ему жутко захотелось взглянуть.

К чёрту все обеты!

«Пятьсот жетонов... — уговаривал он себя. — Это же пять штук тех платьев! Или пятьдесят флаконов пилюль!»

Пятидесяти флаконов хватило бы, чтобы он вознёсся, не вставая с кровати. Титул Короля всех уток был почти в кармане!

... Но он всё равно хотел этот альбом.

Правда, сейчас он был голодранцем с нулём в кармане, так что пришлось умерить аппетиты и подумать о заработке. Обойдя весь этаж, Чи Шэн нашёл единственный доступный ему вариант — «зародыши духовных яиц». По сути, это были пустые оболочки с чужой энергией. Если духоборотень вынашивал такое яйцо, делясь собственной кровью и силой, из него вылуплялся сородич.

К примеру, если Чи Шэн возьмётся за дело, он сможет вывести «духовных утят», которых потом охотно примут в павильоне за жетоны.

Он решил взять два зародыша, но возникла неловкая заминка: даже их не давали даром.

Старик-козёл тяжело вздохнул:

— Всю жизнь здесь сижу, но такого нищего ученика вижу впервые. Ладно уж, не надо жетонов. Дай мне какую-нибудь вещь, которой сейчас не пользуешься, в залог.

Чи Шэн не решился спросить, нельзя ли сразу выменять вещь на пилюли. Он окинул себя взглядом: кроме формы — только дырки в карманах. В пространственной мешочке лежали лишь учебники да древняя сэ...

Ах да, ещё те белоснежные мягкие сапоги, которые Линь Фэйсянь передал через Ли Ло. Чи Шэн так и не смог их вернуть.

Книги и инструмент понадобятся завтра на уроках, их отдавать нельзя. Поколебавшись, он выложил на прилавок обувь.

Уходя с двумя яйцами в руках, он несколько раз обернулся:

— Эти сапоги очень важны для меня! Я выкуплю их через пару дней, пожалуйста, не продавайте их никому!

Старик-козёл только замахал палкой, выпроваживая его вон.

Чи Шэн провёл в павильоне весь день. Когда он вышел, небо уже окрасилось в багряные тона, а горизонт затянуло нежной розоватой дымкой. Павильон стоял на самой вершине, и если заглянуть в пропасть, можно было увидеть, как сквозь клочья тумана скользят белые птицы.

Чи Шэн протёр глаза. Нет, не птицы — две фигуры в белоснежных одеждах кружили в воздухе, скрестив мечи. Золотистое сияние их атак чертило в сумерках причудливые узоры.

Присмотревшись, он узнал обоих.

Стиль Ли Сюня казался небрежным, почти ленивым, но за этой расслабленностью скрывалась стальная выправка. Каждый взмах клинка был выверен и опасен. Гунъи Лин же действовал иначе — его атаки рассыпались ворохом ярких искр, стремительных и ослепительных. Похоже, он раздобыл себе новый меч, ещё лучше прежнего.

Силы были почти равны, но молодой господин Гунъи оказался слишком нетерпелив. Жажда победы сгубила его: дыхание сбилось, движения потеряли точность. Спустя время Ли Сюнь завершающим выпадом направил остриё прямо ему в грудь.

С соседнего утёса донёлся голос Линьлань-цзюня:

— Пятьдесят седьмой раунд. Ли Сюнь, победа.

Пока Чи Шэн разглядывал Верховного старейшину Линьланя, тот заметил его в ответ. На том пике проходил урок фехтования, и адепты в белых одеждах застыли стройными рядами.

Линьлань-цзюнь, первый среди старейшин Бессмертной школы Даньлин, выглядел куда внушительнее и строже молодого Линь Фэйсяня. Одетый в тёмно-зелёные одежды, он излучал врождённое величие. Взгляд его был пронзительным, а брови, словно лезвия мечей, уходили к вискам — под таким взглядом невольно хотелось опустить голову.

Старейшина лишь мазнул по Чи Шэну взглядом и отвернулся.

Чи Шэну всегда казалось, что Линьлань-цзюнь его недолюбливает. Впрочем, этот человек, кажется, ко всем относился одинаково холодно. В отличие от отстранённого Фэйсяня, лицо Линьланя всегда оставалось суровым и властным.

Тем временем Ли Сюнь и Гунъи Лин поднялись из ущелья — юные, горячие, озарённые

закатным солнцем. Победитель с открытой улыбкой поклонился, благодаря за бой. Проигравший, хоть и выглядел уязвлённым, сдержанно кивнул, обещая взять реванш в следующий раз.

В этой школе фехтовать обязаны были все, независимо от специализации. Ли Сюнь и Гунъи Лин были на год старше Чи Шэна и уже многого достигли. Он проводил их взглядом и отправился к себе.

В комнате соседа по-прежнему не было. Чи Шэн устало повалился на кровать, представляя, как однажды и он возьмёт в руки меч. Может, тогда он станет похож на настоящего бессмертного и сможет встать вровень с таким сильным мастером, как Линь Фэйсянь.

Впрочем, реальность быстро дала о себе знать.

Меч — это пока мечты. Сейчас главное — восполнить ци. И разбогатеть.

Одно яйцо-зародыш стоит пятьдесят жетонов. Высиженное — сто. Два яйца — это две сотни. Выкупив сапоги, он останется при сотне. На неё купит ещё яйцо, а на сдачу — пять флаконов пилюль. Новое яйцо принесёт ещё больше прибыли...

Мечтать не вредно. Скоро он станет самым богатым учеником в школе! Тогда он сможет скупить все тиражи альбомов с Фэйсянем! Да он просто наймёт того художника, чтобы тот рисовал только для него!

От этих мыслей в жилах заиграла кровь. Чи Шэн воодушевлённо достал яйца, капнул на скорлупу свою кровь, как советовал старик, поделился духовной силой и бережно устроил их под одеялом.

Сегодня он «посадил» яйца, а через пару дней соберёт урожай жетонов.

Жизнь селезня в этом мире оказалась ох какой непростой: даже яйца высиживать приходится самому, чтобы не протянуть ноги.

Разобравшись с будущим капиталом, Чи Шэн сел за стол повторять материал вчерашнего урока. Он даже попрактиковался на сэ, надеясь, что завтра Линь Фэйсянь хотя бы одобрительно кивнёт ему. Он занимался, пока веки не отяжелели, а затем юркнул в кровать и уснул, обнимая яйца.

На следующее утро он проспал. Его разбудил только громкий стук в дверь — адепты из того же двора звали его на занятия.

Чи Шэн вскочил, кое-как натянул одежду, волосы превратились в воронье гнездо. Волоча ноги в плохо зашнурованных сапогах, он помчался на Цзюньцзы-шань.

По дороге сокурсники не удержались от расспросов:

— Слушай, Чи Шэн, это правда, что ты вчера затеял драку на площади Тайцзи?

Чи Шэн замер:

— А?..

Он попытался вспомнить. Вчера на площади случилась лишь небольшая перепалка. Даже ссорой-то назвать сложно, не то что дракой. С кем ему там драться? Он же и мухи не обидит... да и не одолеет никого.

— Я ни с кем не дрался, — отрезал он.

— Ой, да ладно! Твоё «не дрался» уже ничего не значит. По всей школе слухи ходят: мол, ты задираешь нос, разгуливаешь тут как хозяин и всех обижаешь. Подумай лучше, как ты перед Лансюэ-цзюнем оправдываться будешь!

Чи Шэн с каменным лицом вошёл в павильон на Мэй-дао.

Сегодня он стал местной знаменитостью. Чужие взгляды так и вонзались в него — холодные, отчуждённые. Когда-то он мечтал быть тихим и незаметным, а теперь в одночасье стал «главным школьным хулиганом».

Оправдываться он не собирался — честному человеку бояться нечего. Чи Шэн сидел, напряжённо выпрямив спину, и только одна мысль терзала его: как смотреть в глаза Линь Фэйсяню?

Если промолчит — учитель решит, что он неуправляемый грубиян.

Если начнёт объясняться — Фэйсянь поймёт, что он ввязался в спор из-за него. А это уже... как-то слишком неловко.

<http://bllate.org/book/17515/1657274>